

верхушки, допустившей устранение Михаила Палеолога. Характерно, что новый вождь зилотов Андрей Палеолог не получил поддержки на народном собрании и должен был бежать с этого собрания, чтобы апеллировать к корпорации моряков.

Ситуация, в которой оказался Андрей Палеолог, отнюдь не говорит о сохранении приверженности народных масс к зилотам. По-видимому, народ был недоволен их социальной политикой. Народ отнесся к убийству Михаила Палеолога совершенно равнодушно¹⁸⁹. Поэтому Андрею Палеологу оказалось очень трудно вновь поднять народ. Желавшая продолжения борьбы часть зилотов, по-видимому, обратилась к проведению более радикальной политики. Во главе их встали молодые политики: Андрей Палеолог, аристократ, глава корпорации моряков, стольник (*ὁ ἐπὶ τραπεζῆς*), и патриций Георгий Кокала, один из родственников которого входил в ближайшее окружение Апокавка¹⁹⁰.

Судя по тем кругам, на которые опирался Андрей Палеолог, руководство движением перешло теперь к более демократически настроенной части зилотов. За ночь Андрею удалось поднять моряков и увлечь за собой народные массы¹⁹¹. С Апокавком остались гарнизон, вооруженные отряды знати и «другие граждане». Но гарнизон отказался выступить против восставших, и все бывшие с Апокавком заперлись в цитадели. Народ вступил в нее и разоружил солдат. Действия вооруженных матросов и народа против Апокавка и знатных на этом прекратились. Зилоты распустили вооруженные отряды. Иначе говоря, они опять-таки не собирались посягать на власть Апокавка как правителя и наказывать городскую знать, несмотря на то, что Апокавк и его сторонники первые перешли в наступление. Зилоты лишь лишили их возможности использовать гарнизон.

Все это позволило Апокавку захватить акрополь, но народ одержал победу. После некоторого колебания победители сбросили со стен и перебили около 100 схваченных ими знатных, первым из которых был Апокавк. В течение трех дней народ громил дома богачей.

Судя по данным Кидониса, на сей раз восставшие расправились со многими богатыми: «Здесь раб вел своего господина, там раб вел своего купца или крестьянин стратига, сельский житель воина»¹⁹². Вожди зилотов пытались удерживать народ от расправы¹⁹³. Видимо, усилилась роль более демократических элементов. «Лучшие пали, а ремесленники и дурные люди (*τοῦ βαυλοῦ καὶ χειρῶνος ... μέρους*) захватили власть»¹⁹⁴. Никифор Григора даже говорит о некоем союзе, который вел за собой городскую бедноту (*τὸν ὄχλον*)¹⁹⁵ и «призывал ее не подчиняться никаким находящимся вне города властям»¹⁹⁶. Характерно сообщение Димитрия Кидониса: «Вместе с их неожиданным обогащением возникли (курсив наш. — Г. К., В. Р.) у них и требования на участие в управлении..., и было трудно найти кого-нибудь из них, кто не хвастал бы дюжиной должностей»¹⁹⁷. Таким образом, только после разгрома Апокавка и его сторонников зилоты и ремесленники заняли места в управлении. Причем опять-таки нет известий о переменах в формах организации власти в городе. Видимо, сохранился старый управленческий аппарат, «должности» в котором теперь заняли зилоты и плебеи. Несмотря на фактически самостоятельное существование города, у нас, видимо, нет достаточных оснований говорить

¹⁸⁹ S a n t a s., III, p. 570; ὁ τε δῆμος οὐδὲν ὑπὲρ τοῦ παρόντος ἠγανάκτησεν.

¹⁹⁰ Ibid., II, p. 581.

¹⁹¹ Ibid., III, p. 577.

¹⁹² PG, t. 109, col. 643; воин—«стратиот»-пронар.

¹⁹³ Даже Кантакузин хвалил Андрея Палеолога за умеренность (S a n t a s., II, p. 573).

¹⁹⁴ PG, t. 151, col. 12.

¹⁹⁵ N i c. G r e g., XVI., 1, p. 796.

¹⁹⁶ Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм, стр. 368.

¹⁹⁷ PG, t. 109, col., 649.